

ГЛАВА 1

Жгучая боль в предплечье немного утихла, и раненый открыл глаза. Он увидел склонившееся над ним лицо врача. Видимо, врач уже некоторое время звал пациента, но тот только сейчас пришел в сознание.

— Ефрейтор Кнехт! Вы меня слышите?

Раненый с трудом разлепил губы и произнес:

— Да, доктор, теперь слышу. Что у меня с рукой? И вообще, что со мной? Может, меня еще куда ранило? Ведь я ничего не помню.

— Успокойтесь, Кнехт. Согласно рассказу санитаров, которые вас сюда доставили, вас ранили при выполнении боевого задания: вы тянули провод на передовую, когда внезапно появились русские и открыли огонь. Я осмотрел и перевязал рану. Она не очень опасная, пуля прошла навывлет, кость не задета. Других ран у вас нет. Так что лечение не должно занять много времени. Полежите у нас дней пять, и я вас выпишу. Можно считать, что вам повезло: говорят,

в том районе, где вы сражались, идут очень тяжелые бои.

— А где... где меня ранили? Я что-то плохо соображаю...

— Вас доставили из-под поселка Зимовники. Говорят, там русские рвутся вперед, как дьяволы.

— А где я, собственно, нахожусь?

— В госпитале, Кнехт, в военном госпитале. Вы находитесь в Ростове, в третьем госпитале группы армий «Дон». Чтобы покончить с дальнейшими вопросами, скажу, что меня зовут Гюнтер Вольф, я ваш врач. А теперь отдыхайте, поправляйтесь.

Доктор на прощание потрепал своего пациента по другому, здоровому, плечу и поспешил к следующей койке. «Да, повезло этому ефрейтору, — размышлял он. — Говорят, там, под Зимовниками, была настоящая мясорубка, за сутки погибли никак не меньше пятисот человек. А сколько оттуда поступило к нам раненых! И каких тяжелых! Без рук, без ног, с большой потерей крови... А парню только плечо прострелили. Можно сказать, что он в рубашке родился. Ранили его легко, а между тем он получит медаль «За храбрость». Да, на поле боя он вел себя героически и заслужил награду. И ему действительно повезло...»

Если бы доктор Вольф каким-то чудом смог бы узнать, о чем думает в эту самую минуту свя-

зист Эрих Кнехт, он бы, наверное, решил, что сошел с ума. Потому что храбрый немецкий связист думал о том, что первый этап операции, запланированной начальником фронтовой разведки Южного фронта Советской армии полковником Уколовым, прошел успешно. Этот этап предусматривал внедрение капитана Глеба Шубина во вражеский тыл. Теперь он находится в глубоком немецком тылу, в палате 3-го госпиталя и занимает законное место на койке. Только одно беспокоило капитана Шубина: слова врача о том, что его лечение пройдет довольно быстро, и через пять дней его выпишут из госпиталя обратно в свою часть, на фронт. «Если бы меня еще кто-нибудь ждал там, в этой части, — думал Шубин. — А то ведь они очень удивятся, если им скажут, что у них есть такой связист-ефрейтор. И попросят гестапо разобраться, откуда такой связист взялся. И вообще: пять дней мне явно мало, чтобы выполнить задание полковника Уколова и самого командующего Южным фронтом генерала Еременко. Так что мне надо придумать, как здесь задержаться...»

Но каким же образом капитан Красной армии Глеб Шубин превратился в ефрейтора германского вермахта Эриха Кнехта? И как этот лжеефрейтор попал в госпиталь? Это была целая история, в которой принимали участие множество

людей из фронтовой разведки и не только из разведки...

...В конце декабря 1942 года Шубин, довольный и счастливый, вернулся из Сталинграда на фронт. Он вернулся из отпуска, который ему дал начальник фронтовой разведки полковник Уколов. А отпуск стал для Шубина наградой за отлично выполненное задание командования, за сведения, доставленные из немецкого тыла, за ряд диверсий, проведенных в этом тылу. Во многом именно благодаря усилиям Шубина и его боевых товарищей была сорвана операция вермахта «Зимняя гроза», и войскам фельдмаршала Манштейна так и не удалось соединиться с окруженной в Сталинграде 6-й армией Паулюса.

Итак, Шубин вернулся на фронт, предполагая, что сейчас его пошлют в новый рейд куда-нибудь в Зимовники или в Волгодонск, чтобы собирать оперативные сведения в ближнем немецком тылу. Однако в помещении штаба фронта, отведенном для разведчиков, куда Шубин явился, его ожидал не только командир фронтовой разведки полковник Уколов, но и начальник штаба фронта полковник Семенов, и сам командующий фронтом генерал Еременко.

— Ну, что, Шубин, отдохнул? — спросил его Уколов. — Если отдохнул, то смотри сюда, на

карту, и слушай. Будем тебе новое задание ставить.

Он подошел к висящей на стене карте, на которой был изображен весь Северный Кавказ, и стал объяснять.

— Как ты знаешь, мы отогнали немцев от Сталинграда. И теперь у нашего командования возник замысел еще более крупной операции. А что, если нам взять врагов в еще один котел, более крупный? Что, если окружить всю немецкую группировку «Юг», занявшую весь Северный Кавказ и старающуюся прорваться в Закавказье? Ведь для этого требуется занять только один пункт — Ростов-на-Дону. Или даже не сам Ростов, а его пригород Батайск. В таком случае мы прервем сообщение немцев со своими войсками на Кавказе, отрезав железную дорогу.

Указка Уколова уперлась в кружок Ростова, нарисованный в устье Дона, а затем переместилась севернее, к Батайску.

— Если мы возьмем Ростов или Батайск, то немцам деваться с Кавказа будет некуда — только по морю эвакуироваться, через Новороссийск. Но всю армию на баржах не вывезешь. Так что для Гитлера это будет еще одна катастрофа, почище Сталинграда. Вот почему Андрей Иванович, — тут Уколов покосился на командующего фронтом, — и выдвинул план по быстрому осво-

бождению Ростова. Надо не дать немцам уйти! А для этого требуется наступать быстро, не давая им закрепиться на промежуточных рубежах. А для такого быстрого продвижения что требуется?

— Конечно, полная информация о противнике, — ответил догадливый Шубин. — А значит, нужна глубокая разведка.

— Вот именно! — воскликнул Уколов. — Именно что глубокая! И проведение такой разведки мы поручаем тебе.

— Значит, мне надо готовиться к новому рейду? — с готовностью выполнить задание спросил капитан. — На сколько дней — на три? Или на пять?

Уколов, Семенов и Еременко переглянулись, и начальник разведки покачал головой.

— Нет, Шубин, — сказал он, — не на три и не на пять. Твое новое задание рассчитано почти на месяц. И проведешь ты этот месяц не на мотоцикле и не в лесу. Ты проведешь его на больничной койке, в относительно комфортных условиях.

Вот такого оборота событий разведчик совершенно не ожидал!

— Почему «на койке»? — спросил он. — И в какой больнице?

— Больница, естественно, будет немецкая, — ответил Уколов. — Точнее, это будет не больница, а военный госпиталь. И находится он будет в том

самом городе, который мы должны освободить, то есть в Ростове. Ранение у тебя будет легкое, ты сможешь ходить, гулять... А гуляя, будешь собирать информацию и с помощью радики передавать ее сюда, в штаб. Все это очень удобно для целей разведки. Но есть в этом деле и один неприятный момент. Ты действительно будешь ранен. Правда, легко.

— И когда же меня ранят? — спросил Шубин. — При переходе фронта?

— Нет, фронт ты должен перейти вполне здоровым, — ответил Уколов. — А ранят тебя уже в Ростове, и сделает это твой товарищ по проведению операции, наш резидент в Ростове. Да, у нас в этом городе имеется свой резидент, глубоко законспирированный человек. Он выстрелит тебе в плечо, а затем снабдит всеми нужными документами и устроит тебя в немецкий госпиталь. Вопрос вот в чем: готов ли ты на такой риск, на боль, на страдания?

Шубину не нужно было долго думать, чтобы ответить на этот вопрос.

— Да, готов, — твердо ответил он. — Конечно, задание непривычное, но... все когда-то происходит впервые.

Тут, в первый раз с начала беседы, заговорил генерал Еременко.

— Молодец, Шубин! — сказал он. — Иного ответа я от тебя и не ждал. Но ты должен еще сей-

час, находясь здесь, хорошо продумать все, что с тобой случится, все, что тебе предстоит сделать. Иван Трофимович тебе в этом поможет. Операция не должна сорваться ни в коем случае! Мы многого от нее ждем. Уяснил? Ну, теперь мы с Виктором Борисовичем вас оставим — своих дел много. А вы с Иваном Трофимовичем обговорите необходимые для выполнения задания детали.

Командующий с начальником штаба ушли, а два разведчика начали обговаривать детали предстоящей операции и готовиться к ней. Эта подготовка заняла пять дней. Уколов давал Шубину все новые вводные, а капитан должен был их запомнить и повторить. Кроме того, с Шубиным занимались несколько специалистов, которые учили его разным разведывательным навыкам. Капитана учили устраивать тайники для хранения рации и документов. Но самые необычные занятия с Шубиным проводил пожилой штатский, внешне похожий на индуса. По-русски он говорил с сильным акцентом. Он учил разведчика управлять своим телом. Так, Шубин научился задерживать дыхание до полной остановки — и, наоборот, ускорять жизненные процессы, так что у него повышалась температура, ускорялась циркуляция крови и открывались уже залеченные раны. Правда, времени на эту последнюю подготовку явно было отведено мало, на что «индус»

сетовал. Он говорил, что Шубин — талантливый ученик, и если бы им дали для занятий не пять дней, а два-три месяца, можно было достичь отличных результатов.

Но полковник Уколов не собирался давать такой срок.

— Через пару месяцев мы уже на Украине должны быть, — говорил он. — А Ростов должен находиться у нас в тылу. Так что обойдешься тем, что есть. Скажи: температуру ты научился повышать?

— Научился, — ответил Шубин. — Но Давид Барагорович говорит...

— Знаю я, что он говорит, — прервал Глеба Уколов. — Что тебе еще позаниматься нужно. Может, и нужно, но времени нет. Ты лучше скажи: данные для контакта с резидентом ты запомнил?

— Да, тут я все помню, — ответил разведчик. — Повторить?

Уколов велел повторить, и Шубин в который уже раз принялся рассказывать, как он будет искать резидента. Советского разведчика в Ростове звали Роберт Альбертович Петерс. По национальности он был латыш, но, живя в Риге, пользовался немецким языком, и тот стал для него как родной. Теперь в Ростове Петерс выдавал себя за немца, и это у него успешно получалось. Он служил переводчиком в штабе генерала Гота, был там

на хорошем счету. Правда, как рассказал Шубину Уколов, в последний месяц положение Петерса осложнилось. Резидент почувствовал, что немцы перестали ему доверять. В отведенной ему комнате был незаметно проведен обыск. Обыск старались провести незаметно, но Петерс, будучи человеком опытным, заметил, что в его вещах копались. Стало ясно, что резидента могут в ближайшее время раскрыть, а значит, ему надо бежать. Устройство Шубина в немецкий госпиталь должно было стать последним действием резидента на своем посту.

Самый сложный момент операции Шубина состоял в том, чтобы благополучно добраться до станции Манычской, где располагался штаб Гота, и встретиться там с Петерсом. Капитан решил воспользоваться для этого образом, который стал для него уже привычным — на время стать немецким дорожным инспектором. Он уже использовал этот образ во время прошлых операций, и этот опыт был вполне успешным.

...Пять дней подготовки пролетели, как одна минута. И вот 31 декабря, в новогоднюю ночь, Шубин, одетый в форму немецкого дорожного инспектора, снабженный всеми необходимыми документами, ехал в штабной машине, которая направлялась в сторону фронта. Переход фронта планировался в районе поселка Зимовники, где шли

тяжелые бои. Это место для перехода выбрали потому, что немцы здесь отступали, фронт был нестабильным, и можно было найти брешь, в которую мог просочиться советский разведчик. Кроме того, поселок Зимовники играл особую роль в легенде Шубина — в нем, согласно легенде, ранили немецкого ефрейтора Кнехта, в шкуре которого Шубину предстояло жить ближайшие три недели. Надо было присмотреться к местности, запомнить, где здесь дорога, где течет река, чтобы потом уверенно отвечать на вопросы, если такие вопросы у кого-то возникнут. Ну, а время для перехода фронта выбрал полковник Уколов. Он решил, что в новогоднюю ночь, как и в ночь перед Рождеством, немцы будут думать о празднике, а не о несении службы. Он готов был пожертвовать собственным застольем в штабе, лишь бы лично наблюдать за переправкой Шубина на другую сторону фронта.

Погода в эту новогоднюю ночь была на стороне разведчиков. С утра небо хмурилось, а потом начался снегопад. К вечеру он усилился, превратившись в настоящую метель. Снег залеплял глаза, уже в десяти шагах ничего видно не было. До Нового года оставалось пять минут, когда из метели, прямо перед капотом машины, возник человек в офицерской шинели, который приветственно махнул рукой. Машина остановилась, Уколов и Шубин вышли из нее.

— Ну, что, лейтенант, какова обстановка? — спросил Уколов.

— Все в порядке, товарищ полковник, — ответил тот. — Ребята докладывают, что немцы всю отмечают Новый год, в блиндажах слышны песни. Часовые, конечно, стоят на постах, но у них внимание тоже ослаблено. Так что пройти можно будет.

— А мотоцикл здесь?

— Так точно, еще вечером пригнали. Все системы исправны, ребята проверили; бензобак доверху залили горючим.

— Хорошо.

Уколов повернулся к Шубину.

— Ты как, капитан, прямо отсюда поедешь или хочешь сначала машину через линию фронта перевести, а только потом на мотоцикл садиться? — спросил он.

— Нет, отсюда ехать нельзя, — ответил разведчик. — Враз засекут. Придется за рога вести.

— Ну, тогда с богом, — сказал начальник фронтовой разведки.

Они пожали друг другу руки, Шубин кивнул лейтенанту, который позаботился о его переходе, взял мотоцикл за рога и повел его прямо через снежное поле вперед, на юг. Вскоре провожавшие его люди скрылись в метели. Шубин шел и шел, время от времени поглядывая на компас. Он знал,

что примерно в километре от линии фронта он должен выйти на дорогу, которая вела из Зимовников на юг, к Ростову. Надо было протащить тяжелую машину этот километр через ухабы, через сугробы, которые росли прямо на глазах. Но сил у Шубина всегда хватало, упрямыства тоже, так что он двигался вперед, хотя и медленно. И спустя час увидел впереди насыпь. Трудно было вкатить мотоцикл наверх, но разведчик справился. И вот наконец он оказался на трассе.

Теперь дело пошло легче. Шубин сел в седло, запустил мотор. Хотя и не с первой попытки, но двигатель завелся, разведчик крутанул ручку газа — и покатил вперед. До станицы Манычской, где располагался штаб Гота, ехать было недалеко — всего около тридцати километров. Время еще не подошло к двум часам ночи, когда Шубин подъехал к станице. Немного поплутав по ней, отыскал штаб. Поставив мотоцикл возле крыльца, поднялся на крыльцо и попросил часового:

— Скажи, камрад, я не могу зайти, минутку погреться у вас в штабе? А то я весь день в седле, дежурил на дороге, регулировал движение машин к фронту. Я бы посидел четверть часа в тепле, да и поехал к себе, сдавать дежурство.

Дорожных инспекторов обычно не любят, но часовой не был водителем и никогда не сталки-

вался с придирчивыми стражами дорог. К тому же этот незнакомый ефрейтор обращался к нему так заискивающе, так просил, что отказать ему было трудно. И часовой пропустил его в штаб, объяснив, что тому ни в коем случае не нужно идти в главное помещение, где проходят заседания штаба. А нужно, войдя в дом, повернуть направо. Тогда попадешь в дежурку, в которой всегда тепло, и там можно погреться.

Шубин не слишком внимательно слушал эти объяснения. Дело в том, что расположение комнат в штабе генерала Гота он знал наизусть — выучил его, еще когда готовился к операции. Поэтому, войдя в штаб, он уверенно повернул в нужную сторону и быстро отыскал нужное помещение. Войдя в него, он увидел небольшую комнату, где вдоль стен стояли койки; на них спали часовые, чья смена еще не наступила. А в центре комнаты стоял стол, и за столом сидел человек лет сорока, с большой залысиной, в мешковато сидящем мундире со знаками капитана.

Шагнув в комнату, Шубин сказал:

— Вижу, вы тоже не спите в новогоднюю ночь, господин капитан? Ждете, когда придет Санта-Клаус с подарками?

— Нет, ефрейтор, — не оборачиваясь, ответил человек в мешковатом мундире. — Я давно не верю в Санта-Клауса.

И только после этого, обернувшись, он внимательно посмотрел на вошедшего. А Шубин, в свою очередь, так же внимательно смотрел на переводчика капитана Петерса. Он смотрел на человека, от которого во многом зависел успех их общей операции, зависела его жизнь. Он точно знал, что перед ним именно Роберт Петерс, советский резидент при немецком штабе. Ведь фразы, которыми они только что обменялись, представляли собой пароль и отзыв, и Шубин знал их наизусть.

— Ну, здравствуй, Роберт, — сказал он.

И услышал в ответ:

— Здравствуй, Глеб. Я тебя ждал...

ГЛАВА 2

С недавних пор начальник разведки группы армий «Дон» майор Генрих Зиммель начал чувствовать, что в тылу немецких войск действует советский разведчик. Это было что-то вроде интуиции, а своей интуиции майор Зиммель привык доверять. Хотя в этом случае были не только чувства, но и факты.

В последние две недели перед Новым годом, и после праздника тоже, русские проявляли поразительную осведомленность о новых опера-

циях германских войск. Например, фельдмаршал Эрих фон Манштейн, непосредственный начальник майора Зиммеля, задумывал нанести русским мощный танковый удар в районе реки Маныч, на левом фланге своих войск. Никаких серьезных боев в этом районе до сих пор не велось, и русские никак не могли знать, что немцы именно туда направят главные силы. Так что можно было рассчитывать на успех этого наступления, хотя бы в первые сутки.

Но нет, никакого успеха развить не удалось. Лишь только германские танки двинулись в атаку, как их встретил шквальный огонь русских, производившийся из всех стволов. Атака закончилась, по сути, даже не начавшись, немецкие войска понесли большие потери.

Или позже, в первый день нового года немцы задумали нанести удар совсем в другом месте, в районе станицы Тацинская. И снова русские заранее перебросили туда дополнительные силы, расположили свою артиллерию, и планируемое быстрое наступление превратилось для немцев в настоящую мясорубку.

Один такой эпизод еще можно было списать на случай. Но два случая подряд — это уже не случайность, а закономерность. Это могло означать только одно: в тылу у немцев действует опытный советский резидент. Причем этот человек нахо-

дился совсем рядом с тем местом, где принимаются самые важные решения. Он находился рядом с Зиммелем; возможно, они даже не раз встречались. А между тем начальник германской разведки ничего не знал о своем противнике. Терпеть такое положение дальше было невозможно; надо было принять срочные меры. И майор Зиммель их принял.

Он вызвал своих лучших оперативников — капитанов Таудлица и Хорста — и приказал им проверить работу всех людей, служащих в штабе группы «Дон» или рядом со штабом.

— Где-то здесь, совсем рядом с нами, скрывается русский «крот», — объяснял Зиммель своим подчиненным суть задания. — Скорее всего, это какой-то мелкий чин. Он человек совершенно незаметный, и внешность у него тоже непримечательная. Однако он регулярно присутствует на совещаниях нашего руководства и знает все наши планы. Это может быть адъютант, связист, шифровальщик... переводчик, в конце концов. Ведь в нашу группу армий входят в том числе и румынские части, румынские офицеры присутствуют на совещаниях в штабе. Им требуется переводчик. Может быть, он работает не только на наших союзников? В общем, вы должны составить мне список подозреваемых. Даю вам на это два дня.

Таудлиц и Хорст были людьми исполнительными и в указанный срок представили своему начальнику требуемый список. В него вошли пять человек. Третьим номером в этом списке значился переводчик при штабе генерала Гота Роберт Петерс...

Следующим приказом Зиммель установил за всеми пятью подозреваемыми слежку. Он потребовал от своих оперативников, чтобы они узнали все контакты этих пяти человек, маршруты их передвижений, даже прогулок в свободное время.

— Понимаете, парни, — говорил Зиммель, — этому «кроту» необходимо не только собрать сведения о планах наших войск, но и вовремя их передать русскому командованию. Сделать это можно либо с помощью рации, либо через связного или даже нескольких связных. Роль связного может выполнять совсем уж посторонний человек — например, женщина... Следите за каждым шагом этой пятерки! Нужно выделить среди них одного и взять его! Вперед!

Немецкие оперативники бросились выполнять задание. Они выяснили, что один из людей, числившихся в списке, адъютант генерала Гота Франц Риверс, является заядлым охотником. Он настолько увлечен любимым делом, что продолжает им заниматься даже здесь, на фронте, среди грохота боев.

— И на кого же охотится наш любитель? — поинтересовался Зиммель, когда ему доложили об увлечении адъютанта. — На медведей?

— Нет, господин майор, Риверс охотится на птиц, — ответил капитан Таудлиц. — На уток, на куропаток. Он ходит с винтовкой на берег реки Маньч и там стреляет птицу.

— Очень интересно! — заметил Зиммель. — А вы не заметили, не встречается ли он заодно там, на реке, с каким-нибудь неприметным человеком? Или, может быть, он достает из какой-нибудь ямки рацию и ведет передачу?

— Нет, господин майор, — дружно ответили подчиненные. — Ничего подобного мы не видели. Он только охотится.

— Хорошо, а другие люди из вашего списка? — продолжал допрашивать подчиненных Зиммель. — Неужели они никуда не ходят, ни с кем не встречаются?

Оперативники ответили, что остальные четверо тоже кое-куда ходят и встречаются. Например, майор Нолль не может жить без женщин и часто посещает офицерский публичный дом. А капитан Кнебель — страстный картежник, ходит в блиндаж майора Доббса и играет там в карты.

— Вот у кого совсем нет увлечений, так это у штабного переводчика капитана Петерса, — за-

явил Таудлиц. — Если он не занят на работе, он иногда гуляет.

— И где же гуляет переводчик? — спросил Зиммель.

— То там, то здесь, — прозвучал ответ. — Часто ходит по берегу Маныча — там же, где любит охотиться майор Риверс. А насчет встреч... Можно сказать, Петерс ни с кем не встречается. Единственное, что удалось узнать — что в новогоднюю ночь переводчик сидел один в помещении штаба, и туда зашел погреться дорожный инспектор. Мне об этом рассказал часовой, дежуривший в ту ночь, и его сменщик, который собирался на смену и зашел в ту комнату попить чая. Он свидетельствует, что Петерс и этот неизвестный инспектор обменялись буквально парой фраз.

— Дорожный инспектор? — сказал Зиммель. — Это интересно. Месяц назад у нас тут в Котельниково появился один инспектор, которого никто не знал, и который оказался русским шпионом. Ну-ка, Таудлиц, выясните, что это за человек заходил в штаб в новогоднюю ночь. Ведь можно установить его личность, не так ли?

Немецкий оперативник бросился выполнять задание, но спустя сутки пришел к своему шефу обескураженный.

— Что-то странное с этим инспектором, господин майор, — доложил он. — Я побывал в на-

шей дорожной полиции, познакомился со всеми, кто там работает. Оказалось, что в новогоднюю ночь ни один из них не находился на службе — все отдыхали. Тогда я привез туда, в инспекцию, того часового, который пустил инспектора в новогоднюю ночь в штаб. Часовой осмотрел всех инспекторов — и не узнал человека, который обратился к нему в новогоднюю ночь.

— Значит, это он! — вскричал майор Зиммель. — Человек, которого мы ищем, «крот», окопавшийся в штабе — это Петерс. А «инспектор», явившийся к нему в новогоднюю ночь — русский связной. Ищите дальше, Таудлиц, разрабатывайте линию «инспектора». Скажем, интересно, где он взял мотоцикл, и где этот мотоцикл сейчас? А вы, Хорст, проведите обыск в комнате, которую занимает Петерс. Только делайте это очень аккуратно — русский резидент не должен заметить, что мы им заинтересовались. А я распоряжусь, чтобы наши радисты ловили все сигналы, которые исходят из нашего района. И я уже знаю, какой результат мы получим после этого прослушивания эфира!

— Какой же, господин майор? — спросил любопытный Хорст.

— Мы получим сразу два результата, — охотно ответил Зиммель. Он был тщеславен и любил хвастаться своей сообразительностью, своими успе-

хами. — Во-первых, мы узнаем, что такие радиопередачи регулярно ведутся. А во-вторых, выяснится, что время передач всегда совпадает со временем прогулок Петерса. Понимаете? Он во время прогулок достает рацию из тайника и передает информацию русскому командованию. И мы должны его поймать за этим занятием. Вперед, ребята!

Этот разговор происходил 3 января. А уже на следующий день немецкие перехватчики засекали короткую передачу, которую вел с помощью шифра неизвестный радист. Но вот незадача! В то время, когда шла эта передача, штабной переводчик Роберт Петерс сидел на совещании, которое проводил генерал Гот, и переводил речь генерала румынским и венгерским союзникам. Майор Зиммель не знал, что и думать. Единственное объяснение, которое пришло ему в голову, что у русского резидента есть помощник, радист, которому Петерс передает сведения, а тот уже ведет передачу. Слежку за Петерсом усилили, переводчика обложили со всех сторон, как волка, на которого объявлена охота.

Однако прошла неделя усиленного наблюдения за Петерсом, а никакого радиста так и не удалось найти. Ничего не оставалось делать, как арестовать переводчика, не имея против него, в сущности, никаких улик. Арестовать и пере-

дать в руки гестапо. Пусть уже их люди добывают нужные сведения. У них, как известно, и мертвые начинают говорить. О том, какими методами добывается такой результат, майор Зиммель старался не думать. Он был солдат, он был хороший специалист, а не палач. Но интересы дела, интересы Германии превыше всего! И Зиммель уже готовился передать документы на Роберта Петерса в местное отделение гестапо, когда ему сообщили, что переводчик исчез. Вечером он еще был, лег спать, как обычно. За ним теперь велось круглосуточное наблюдение. И агенты, которые вели наблюдение, уверяли, что не спускали глаз с квартиры, которую занимал переводчик. Однако вот странное дело — утром Роберта Петерса на месте не оказалось...

Майор Зиммель надеялся, что с бегством резидента утечка данных из штаба прекратится. То есть нужный результат будет достигнут. Однако уже на следующее утро ему доложили, что русские атаковали самый слабый участок немецкой обороны и потеснили германские войска сразу на двенадцать километров. Оборону с трудом удалось снова наладить. А ведь никто у русских не знал, что у немцев этот участок — самый слабый. Как же случилось, что секретные сведения все же оказались у русских? Ведь у них теперь не было на Дону своего резидента? Или он все же был?

ГЛАВА 3

Спустя сутки после того, как ефрейтор Кнехт пришел в себя на больничной койке, его жизнь в госпитале потекла своим чередом. Он перезнакомился с соседями по палате, узнал, из каких они частей, где и когда были ранены. Ефрейтор оказался человеком любознательным, он всех обо всем спрашивал. А ведь известно, что людям нравится, когда их делами интересуются, когда спрашивают их мнение о том о сем. Например, о положении на фронте. Так что соседи охотно делились сведениями с новым товарищем.

А ефрейтору Кнехту (точнее, капитану Шубину) только этого и было надо. Большую часть сведений для первого донесения в штаб он собрал вот так, не выходя из палаты. Номера частей, которые участвовали в боях, примерные цифры потерь, задачи, которые командование ставило перед этими частями — все это соседи по палате рассказали связисту Кнехту, и все эти сведения легли на стол перед полковником Уколовым.

Передачу информации Шубин наладил следующим образом. Еще при первом свидании в новогоднюю ночь Роберт Петерс описал Шубину старый разрушенный дом на южной окраине Ростова. Дом был разрушен артиллерийским огнем еще в 1941 году, во время наступления немцев на

Кавказ. Использовать его было невозможно, и домом никто не интересовался. При доме имелся курятник. Всех его обитателей, кого не убило снарядами, прибрали соседи, так что курятник стоял пустой. Тем не менее на его дверях имелся здоровенный замок, так что посторонний не мог туда попасть. Вот в этом курятнике Шубин и Петерс встретились на следующее утро после первого свидания, то есть 1 января. Там, в подполье, Шубин спрятал свою рацию, а также автомат, несколько гранат и запас документов — на всякий случай.

И там же, в курятнике, капитан Шубин превратился в ефрейтора Кнехта. Сначала он переоделся в форму немецкого связиста — ее заранее приготовил Петерс. А затем произошло то, о чем полковник Уколов предупреждал как о неприятном событии: Петерс выстрелил Шубину в предплечье из пистолета «ТТ». Даже если бы пуля попала в кость и застряла, и ее потом извлекли бы немецкие хирурги, у них не могло возникнуть вопросов: ведь это была русская пуля.

Однако Петерс был точен, пуля прошла мимо кости и вышла из тела. Петерс сделал «ефрейтору» перевязку, а затем сел на мотоцикл, положил раненого в коляску и поехал в Зимовники. Шел первый день нового года, за движением на дорогах никто не следил, так что Петерса никто не остановил до

самых Зимовников. А здесь резидент изобразил из себя штабного офицера (каким он и был), попавшего ненароком на фронт, в самую гущу боя (а вот это была часть легенды). Испуганный штабной переводчик привез раненого для отправки на санитарном поезде, стоявшем на станции, и поспешно сдал санитарам. Объяснил, что санитары в этой части все были заняты, бой шел тяжелый (и это снова была правда), вот он и вызвался подвезти раненого.

Так что прощаться, говорить напутственные слова — для всего этого у Петерса и Шубина условий не было. Переводчик вернулся в Ростов и загнал мотоцикл (за которым в тот момент еще никто не охотился) в тот же курятник. Ключ от курятника лежал в мешке у раненого связиста Кнехта. Вот таким образом произошло внедрение Шубина в положенное место в немецком тылу.

Теперь оставалось только понять, как пользоваться имевшимися возможностями. Уже на второй день своего пребывания в госпитале Шубин обратился с просьбой к доктору Вольфу:

— Господин Вольф, вы позволите мне совершать небольшие прогулки? Вы же сами говорили, что ранение у меня легкое, я только крови много потерял, и скоро вы меня выпишете. А больному что всего нужнее?

— Нужнее всего правильное лечение и хороший уход, — наставительно заметил немец.